

Дом, где сердца соединяются

Результур — 1995. — 5 авг. — с. 9

Государственный русский драматический театр Эстонии жив, чего и вам желает

Старые знакомые

Андрей МАКСИМОВ

Знакомые не перестают удивляться: а что, спрашивают, прямо настоящая граница с Эстонией, и там можно есть, и приглашение нужно, чтобы в Таллинн попасть? Границы поставить, куда проще, чем к ним привыкнуть, однако, надо привыкать...

Да, отвечаю, настоящая граница, суровые, никогда не улыбающиеся русские пограничники интересуются, глядя прямо в глаза: "Оружие есть? Наркотики? Нет? А что же вы тогда везете в сумке?", и сумки обшаривают вполне по-настоящему. Эстонцы чуть вежливей, однако всем своим видом показывают, что оружия тоже не пропустят, вопросы если и задают, то только на эстонском языке. В эстонском посольстве вам в течение дня поставят визу, если, конечно, есть приглашение.

Короче говоря, Эстония — самая настоящая граница. Выходят русские газеты — так они и в Нью-Йорке выходят. Телевизор в гостинице "говорит и показывает" только на эстонском языке. Книжки на русском купить можно, но в основном детективы, фантастику, изредка — русских философов.

И вот посредине этого заграничного города, почти в самом его центре, стоит здание Русского драматического театра. Здание, надо сказать, потрясает: входили в зал, и кажется, что ты попал в некую волшебную шкатулку, венчает которую подвесной потолок с какими-то несмысленными рисунками. В фойе висят шикарные люстры, стоит дорогая мебель.

"Покупения" на это здание были, однако удалось отбиться (пока, во всяком случае). И Русский театр Эстонии существует в прекрасном театральном доме, что мне кажется добрым признаком. Вообще, никакой дискриминации в отношении этого театра нет: он получает дотацию в таком же объеме, как и эстонские, имеет свои театральные мастерские. Ну, может быть, финансовые проверки устраиваются чуть чаще, однако проверка — вещь необходимая, будем считать, не так ли?

Существует Русский театр по тем же принципам, что и любой московский коллектив. Дотации государства плюс деньги за аренду помещений, которые удается сдавать, плюс деньги, которые получает театр, сдавая свою сцену приезжающим на гастроли коллективам, плюс спонсоры, если найдутся. Правда, в отличие от московских, таллиннский театр выпускает девять-десять премьер в год. Однако пока такого случая, чтобы спектакли хотели поставить, а денег на него не нашлось, не было.

Директор театра с обаявающим именем-отчеством Александр Сергеевич и менее обаявательной фамилией Ильин входит в совет директоров Министерства культуры, и вообще он человек в театральном мире Эстонии очень авторитетный. Учился в Москве на актера, был актером в Русском театре и много лет уже директором.

Но в существовании директора есть одна особенность. Попросту говоря, он является как бы хозяином театра, то есть с ним заключает договор Министерство культуры, а дальше уже он сам заключает договора со всеми работниками театра, в том числе и с художественным руководителем. То есть худрук не избирается (как это принято у нас), а назначается директором. Чуть больше года назад художественным руководителем театра был назначен Эдуард Томап.

Эстонец, родившийся в Харькове, учившийся в Моск-

ве, владеющий и русским, и эстонским языками, Эдуард Томап в первую очередь артист, и артист, смею думать, очень хороший. Я уверен, что Томап — единственный среди художественных руководителей театров бывшего СССР, который в коротких шортах и невероятном сказочном гриме выходит в сказке "Белоснежка и семь гномов" играть гнома. Но Томапу нравится профессия, нравится существовать на сцене, и кто скажет, что это плохо?

Томап пробует себя и в режиссуре (судя по откликам, это интересно, я спектаклей не видел), но главное, чем он сейчас занят, — строит театр, который возглавил не для того, чтобы потом умыться в Россию (как здесь бывало), а чтобы построить хороший театр.

Надо сказать, что Ильин и Томап очень четко и жестко распределили обязанности: один занимается только финансовой, хозяйственной стороной, другой — только творческой. И пока получается неплохо.

Разумеется, ни один театр в мире не может поставить десять гениальных спектаклей за сезон. Слава богу, если получилась хоть одна постановка, о которой все говорят, о которой начнут спорить, скандалить, если угодно. И таким хорошим театральным скандалом стала спешеческая версия известного московского режиссера Юрия Ерёмкина чеховских "Трех сестер". Спектакль называется "В Москву! В Москву!".

Премьера состоялась как раз тогда, когда российские войска только-только ушли из Эстонии. Этот исторический фон оказался очень важным. Ерёмкин пошел на прямые ассоциации: все военные, в том числе и Вершининя, одеты в форму советских солдат. И когда Вершининя, отвечая на вопрос Ольги: "Увидимся ли мы еще когда-нибудь?", глядя прямо в зал, говорит: "Должно быть, нет", а потом прямо через зал, мимо зрителя, уходит войска, в зале плачут. Люди смотрят Чехова, но понимают, что это — история их жизни.

Однако этого мало: Наташа в спектакле говорит сначала с легким эстонским акцентом, но чем грубее вторгается она в семью Прозоровых, тем грубее становится акцент, и, наконец, когда она целиком подчиняет себе дом, говорит на чистом эстонском языке. Метафора более чем понятная.

Спектакль не обозлил ни эстонского зрителя, который приходит в театр, ни эстонскую критику. В нем совершенно справедливо увидели не надругательство, не издевку, а истинную боль русских людей, вдруг почувствовавших себя совершенно беззащитными. Этой боли поверили, и спектакль до последнего времени шел при полном зале.

А что же остальные постановки? Чем вообще привлекает театр зрителя? Самое замечательное — разнообразие. Здесь не обрушивают поток легких комедий с танцами, здесь шутят.

И, кстати говоря, менее всего из увиденного мне понравилось спектакль "Неугомонный дух", поставленный санкт-петербургским режиссером Александром Исаковым по пьесе Пола Коурда. Эдакий странная любовный треугольник: муж, жена и дух умершей жены, который неожиданно и нехотая обрел плоть. Замечательные декорации Марianne Куурме, хорошая музыка Галины Сорочан, профессиональная работа режиссера, интересная игра артистов. Почему же остается ощущение неудовлетворенности всем этим? Потому что непонятно, для чего, ради чего, наконец, о чем поставлен спектакль. Что-то же хотели сказать нам его создатели, но что? Осталось загадкой.

И совсем другая история с постановкой пьесы Олега Данилова "Мы идем смотреть "Чапаева" режиссером

эротически-ироническое действие по пьесе Марино "Прикосновения и слияния" и абсолютно серьезная философская драма Августа Стринберга "На пути в Дамаск!". Разнообразие репертуара и непредсказуемость следующего шага, мне кажется, очень ценные качества для любого театра.

Театр — это такое место, где в конечном итоге сталкиваются две стихии: актерская и зрительская. Пытаясь понять их, начинаешь понимать и то, как живет театр и есть ли у него будущее.

Мне показалось, что в Русском драматическом театре Таллинна есть свой зритель. Иногда он целиком оккупирован зал, иногда "кучкуется" небольшой группкой в центре партера, но и по его реакциям, и по обрывкам разговоров, услышанных в фойе, и по тому, как принимается спектакль, и, наконец, по тому, как празднично одеты зрители, понимаешь: они пришли именно в театр, пришли, говоря языком газет "застойных" лет, на встречу с искусством.

Я специально не называю имен артистов в скобках, как это принято у уважаемых критиков: во-первых, всех назвать невозможно, а выделишь кого-то одного — обидят другие, а во-вторых, имена эти, увы, все равно ничего не скажут российскому зрителю. И это обидно. Потому что в театре работают очень сильные актеры, одинаково легко чувствующие себя в стихиях и трагедии, и драмы, и фарса.

Почти все они — люди без гражданства. Помимо моральных проблем, помимо неуверенности в собственном будущем и будущем своих детей, это создает множество проблем практических, в частности, с выездом за границу. Материально, как и все артисты театров всего мира, живут они отнюдь не по-царски. Но работают на износ. В связи с этим я вспоминаю снова знаменитого эстонского режиссера Каарела Ирда: "Больше всего я ценю хорошую работу. Особенно уважаю тех людей, которые способны работать, даже если у них — неважно по какой причине — не совсем хорошее рабочее настроение и они должны заставить себя трудиться". Я уверен, что Каарел Ирда уважал бы сегодня труппу Государственного русского драматического театра Эстонии.

Можно пригласить режиссера из другого города — он поставит спектакль и уедет. Пригласить артиста на постоянную работу из России в Таллинн невозможно, поэтому вся надежда на студию, которая работает при театре. И уже сегодня в некоторых спектаклях заняты артистки, которые еще учатся в школе. Азия профессия они познают на сцене, и, надо сказать, у них это неплохо получается.

...В последний день моей таллиннской жизни в театре шла сказка "Белоснежка и семь гномов". Режиссер Светлана Красман, сценограф Марianne Куурме, композитор Эдуард Томап и хореограф Александр Иванкевич устроили на сцене потрясающе яркое зрелище. Худрук — как уже было сказано — выдвигая что-то в шортах, не отставали от него и другие артисты. Зал был полный: в нем сидели будущие зрители будущих серьезных спектаклей.

И эта картина показалась мне весьма символической. Артисты работали для будущего, будущее аплодировало им из зала.

Конечно, просто Русскому театру в Таллинне, во он живет так, как дай Бог жить многим московским театрам. Он живет — и это главное. Что же касается будущего, то у кого из нас оно безоблачно?

ТАЛЛИНН